

Министерство образования РСФСР
Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени
государственный педагогический институт им. А.И. Герцена
Ленинград, 1989.

Кен О.Н.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ПАКТА ЧЕТЫРЕХ» 1933 Г.

Вопрос о внешней политике Англии и ее роли в переговорах о заключении пакта четырех держав относится к числу ключевых в историографии международных отношений тридцатых годов. Это вполне естественно: "пакт четырех" 1933 года явился главным международным событием на стыке послевоенной эпохи с предвоенной и отношение к нему могут быть существеннейшей мировой державы позволяет лучше понять как ее собственную политику, так и существо планов сотрудничества западных государств.

Особенно спорной представляется проблема генезиса "пакта четырех" /1 – 10/. Наряду с традиционной трактовкой, не ставящей под сомнение приоритет Муссолини в формулировании идеи пакта/2 – 214; 3 – 20/, в советской историографии последних десятилетий сложилась концепция, согласно которой подлинными инициаторами "пакта четырех" являются премьер-министр Англии и его окружение¹. Толчком к ее формированию послужили публикация германских дипломатических документов и исследование американского историка А. Фэрниа. "Благодаря свидетельствам, представленным в британских и американских документах, почти не остается сомнений в том, что родоначальником пакта четырех держав явилось правительство Макдональда" делал вывод А. Фэрниа /11 – 80/. Лишь кратко коснувшись истории пакта он не предпринял попытки опровергнуть аргументацию, на которой основывались традиционные представления об обстоятельствах его выдвижения. Профессор Висконсинского университета К. Ярауш подверг критическому разбору ссылки Фэрниа на британские документы и отметил, что материалы госдепартамента США не могут считаться аутентичными свидетельствами, отражают циркулировавшие в дипломатических кругах слухи², а не реальные обстоятельства /13 – 41-43/. Многочисленные изыскания, проводившиеся историками в государственных и личных архивах Великобритании, не привели к появлению иных подтверждений инициативы Лондона. Отсутствуют они и в обширной мемуарной литературе британских государственных деятелей и дипломатов, дневниках Дж. Р. Макдональда. Тезис о главенствующей роли Англии в выдвижении пакта сотрудничества основывается, таким образом, на нескольких документах американской и немецкой, дипломатических служб, однако противоречие, возникающее между этими свидетельствами и комплексом британских документов, большинством советских историков решалось до сих пор в пользу первых³. Это, вероятно, объясняется прежде всего взаимным притяжением приобретенных си-

¹ См. работы Ф. Д. Волкова /4/, В. И. Попова /5/, И. Д. Овсяного /6/, Г. Н. Реутова /7/, Ю. Вилунаса /8/. Симпатию к ней проявили редакционная коллегия III тома "Истории дипломатии", а в последнее время – З. С. Белоусова /9/ и К. А. Малафеев /10/.

² См, например, изложение Ж. Табуи /12 – 185-186/.

³ Автору не удалось ознакомиться с публикацией документов госдепартамента за 1933 г. Отрывок депешы посла США в Риме Лонга приведен в работе И. Д. Овсяного/6 – 33/. Согласно сообщению Лонга, полученная им информация о намерении Англии предложить "создание группировки четырех держав" исходила от "польских сотрудников Секретариата Лиги", с которыми Макдональд "доверительно обсуждал эту идею в Женеве". Более бесполезных и ненадежных конфиденентов английский премьер вряд ли мог себе подобрать. Любопытно, что депеша посла датирована 24 марта, когда итоги римских переговоров стали объектом всевозможных спекуляций. Попытка верификации сведений, содержащихся в немецких документах, представлена ниже.

ду предрассудка(и отражающих изнанку мессианских представлений о роли СССР) постулатов: Пакт четырех держав обладал реакционной и антисоветской направленностью; политика Англии являлась реакционной и антисоветской. Склонность объединить их, отдавая Лондону роль генератора "пакта четырех", усиливается традицией объяснять сложность британской политики тех лет "коварством Альбиона", склонностью некоторых историков усматривать в ней всевозможные интриги (см., например, высказывание Г. Н. Реутова /7 – 64/).

Вместе с тем в советской исторической науке заметен иной, более плодотворный подход к проблеме происхождения "пакта четырех". "Изучение и сопоставление дипломатических документов... позволяет сделать вывод, что происхождение этого пакта надо искать в международном положении и расстановке сил, сложившихся в 1932 г., особенно на конференциях в Женеве и Лозанне», – отмечала З. С. Белоусова/14 – 109-110/. Близкой позиции придерживается ученый Западного института/Познань/ З. Мазур, около трети своей монографии посвятивший предыстории "пакта четырех". Указывая, что в критике Фэрниа К. Ярауш вместе с водой выплеснул и ребенка и свел идею пакта исключительно к внешнеполитическим концепциям фашизма, Мазур детально обосновал мысль, что инициатива пакта принадлежала Муссолини, в то время как почва для нее была подготовлена внешнеполитическими маневрами Великобритании (ранее так полагала и З. С. Белоусова/14 – 110/). Как и К. Ярауш, польский историк много внимания уделил анализу различий целей и мотивов участников переговоров о "пакте четырех", причинам его бесславного конца. Считая наиболее обоснованным подход З. Мазура, автор поставил своей задачей уточнить главные аспекты проблемы "Политика Англии и генезис "пакта четырех».

І. Инициатива визита Дж. Р. Макдональда и Д. Саймона в Рим

"В официальной печати часто утверждалось, будто поездка английских министров в Рим была предпринята по инициативе Муссолини – пишет Ю. Вилунас. – На самом деле инициатива визита исходила от англичан» /8– 45/⁴.

Свою аргументацию Ю. Вилунас и З. С. Белоусова строят на свидетельствах германских дипломатических документов. Вопрос о том, кому принадлежала инициатива римского визита Макдональда, затрагивался в итало-германских контактах дважды – в беседе Нейрата с послом Черрутти 14 марта в кратком разговоре Муссолини с немецким послом фон Хасселлом, содержание которого тот изложил в политическом отчете МИД 22 марта. По поручению Муссолини, его посол информировал Вильгельмштрассе, что обстановка на Женевской конференции убедила Макдональда в правильности мнения дуче об исчерпании ею своих возможностей. Поэтому, объяснял Черрутти, глава итальянского правительства "получил предложение отыскать пути и средства, позволяющие избежать опасностей, которые возникнут в случае полного краха конференции по разоружению". "Макдональд также настойчиво убеждает его встретиться в ближайшие дни для совместного обсуждения проблемы выхода из тупика», –сообщал посол/15 – 161/. Неделий позже Муссолини специально обратил внимание фон Хасселла на то, что британский премьер через посла в Риме просил о встрече на высшем уровне". Англичане, вероятно, вначале подумывали о встрече, где-нибудь в Северной Италии, тогда как Муссолини пригласил их в Рим, добавляет фон Хасселл/15 – 197/. Имеются ли основания сомневаться в правильности сведений, сообщенных итальянским диктатором в Берлин?

Деятельность итальянской дипломатии в начале 1933 г. была подчинена решению поставленной Муссолини сверхзадачи – достижения сближения с Англией, а с ее помощью и Францией, без утраты дружественного расположения нового германского режима. В ином случае диктатор не мог претендовать на повышение статуса Италии как арбитра Западной Европы, что составляло его главную цель. Поэтому на переговорах с немцами Муссолини излагал дело так, будто все его усилия направлены на присоединение Великобритании к "итало-германскому фронту"/15 – 152,154; 17 – 137/. С целью уверить Берлин в своей искренности Муссолини инспирировал слухи о возможности посещения Гитлером Рима /15 –

⁴ См. также: /14 – 106-107/, /16 – 86/).

128-129,152/. С другой стороны, готовясь продать свои услуги рейху по возможно более высокой цене, он акцентировал близость Англии и Франции, а тем самым и влияние Италии, могущее взломать их "антанту"/15 – 133/. Муссолини было необходимо объяснить приезд Макдональда немцам таким образом, чтобы не поставить под сомнение собственные пропагандистские ухищрения. Проще всего было информировать Берлин, что Макдональд сам захотел встретиться с дуче.

Излагая свою версию подготовки визита Муссолини уклонился от четкого указания на то, что английские руководители предлагали провести переговоры на территории Италии (лишь при этом условии применим термин "визит"/. Версия Муссолини вступала в противоречие с фактом публикации в проправительственный английской печати материалов, выражавших пожелание более тесного сотрудничества Италии и Великобритании⁵. Такая газетная кампания обычно указывала на склонность правительства принять приглашение к переговорам, если оно последует⁶. Это плохо согласовалось с версией об официальной, переданной через британского посла, инициативе Макдональда. Понимая это, Хасселл предположил, что в Риме "намеренно игнорировали" выступления английской печати /15 – 198/. Трудно, однако, допустить, что соображения престижа заставили Муссолини пойти на риск упустить момент для выдвижения лелеемого проекта. Приведенные факты, напротив, получают логичное разъяснение, если признать, что предложение о встрече глав правительств было передано Алоизи Макдональду и Саймону вечером 14 марта/18а – 527/.

Еще труднее предположить, что британская дипломатия из-за нежелания раскрывать свою инициативу в организации визита могла пойти на прямой обман основного партнера – Франции, чреватый кризисом доверия в отношениях с нею. Наконец, трагическая история карьеры Дж. Р. Макдональда, частности его мужественное поведение в августе 1914го (подробности см. 19 – 109), делает психологически невероятным рассматриваемый вариант: как бы ни были велики недостатки Макдональда, интриганство и способность ко лжи в их число не входили. Это хорошо понимал Ф. Ноэль-Бейкер⁷, также считавший, что инициатива визита в Рим исходила от британской стороны. В написанной на склоне лет книге, соединявшей воспоминания с научным исследованием, Ноэль-Бейкер выразил убеждение, что визит "был устроен Ванситтартом"/20 – 48/. Тесно и дружески общавшийся с Ванситтартом в период совместной работы в Форин офис в 1929-1931 гг., лейбористский лорд убедился в приверженности постоянного заместителя министра иностранных дел методам "старой дипломатии" и идее франко-итальянского сближения. Других доказательств правильности своего мнения Ноэль-Бейкер привести не смог⁸.

Рассмотрение основных источников позволяет прийти к выводу, что английские руководители не проявили инициативы в подготовке своей поездки в Рим 18-20 марта 1933 г., но немедленно приняли приглашение прибыть в Италию, переданное им 14-го обнаруженное 15 марта, а местом встречи с Муссолини предложили сделать ее столицу/22 – 276 - 516/⁹.

2. Цели визита британских руководителей в Италию.

Трактовка этого вопроса историками, полагающими, что проект «пакта четырех» был подсказан Муссолини англичанами, очевидна. Иную картину рисуют британские диплома-

⁵ Так, в редакционной статье "Таймс" от 15 марта (которая вряд ли могла появиться без ведома временно исполнявшего обязанности премьера С. Болдуина – друга издателя "Тайме" Доусона) приветствовалась возможность переговоров глав правительств Англии и Италии /16 – 166/.

⁶ По этой схеме, например, осуществлялась подготовка визита А. Идена в СССР в марте 1935 г.

⁷ В 1933 г. Ф. Ноэль-Бейкер выполнял обязанности помощника председателя конференции по разоружению А. Гендерсона – лауреата Нобелевской премии мира 1959 г.

⁸ Ванситтарт лишь вскользь коснулся в своих мемуарах римского визита, в котором он не принимал участия /21 – 454/.

⁹ Особенно определенно высказывается Ф. Д. Волков: "Для заключения этого антисоветского пакта глава английского правительства поехал в Рим, на поклон фашистскому диктатору Муссолини"/23 – 314/.

тические документы.

Принимая приглашение Муссолини, английские министры намеревались прежде всего улучшить двусторонние отношения, которые пострадали вследствие заключения франко-британского консультативного пакта 13 июля 1932 г.¹⁰ В Италии, поясняли в середине марта Поль-Бонкуру Макдональд и Саймон, ощущается "чувство раздражения постоянными визитами британских государственных деятелей в Париж"/18a – 553/. В беседе с Даладье английский премьер сослался и на общественное мнение своей страны, которое уже несколько лет с недоумением отмечает замирание контактов на высшем уровне между Великобританией и Италией /18a – 539/. Таковы, как представляется, были минимальные задачи британской дипломатии.

Вместе с тем ее руководители не скрывали, что желают сближения с Италией и в контексте поисков общеевропейского урегулирования. "Я направляюсь в Рим, – заявил журналистам перед отлетом Макдональд, – чтобы узнать у Муссолини, разделяет ли он убеждение в том, что Европа находится в серьезной опасности и что нам следует сотрудничать, дабы сберечь ее"/15 –198/. Со второй половины 1932 г. укрепление европейского мира все более отождествлялось Лондоном с разрешением противоречий между четырьмя великими державами – активными участниками дипломатической борьбы. В 1932 г. германский вопрос окончательно занял главенствующее место в европейской политике. Провал ведущихся летом 1932 г. франко-германских (и иных) переговоров вылился в отказ Германии от участия в конференции по разоружению. Едва миновав пик хозяйственного хаоса, Европа вступала в международный кризис. В конце сентября британское правительство выступило с инициативой безотлагательного проведения переговоров четырех держав (с участием американского наблюдателя) "для обмена мнениями с целью преодоления трудностей, вытекающих из сложившегося положения"/18a – 204-205/. В обстановке растущей враждебности Германии и Италии к Лиге Наций, ее самодискредитации перед лицом маньчжурского кризиса¹¹, в условиях, когда предпринятые на представительной конференции по разоружению попытки ослабить военно-политические противоречия оказались тщетными, Лондон сделал ставку на предусмотренный локарнскими соглашениями механизм консультаций великих держав Западной Европы. Правительство Англии сыграло ведущую роль в последующих конфиденциальных переговорах и сумело добиться согласия как Франции, так и Германии на многосторонние консультации. В ходе бесед Саймона, Поль-Бонкура, Алоизи, Нейрата и Дэвиса, проходивших в начале декабря 1932 г. в Женеве под председательством Макдональда, им удалось прийти к согласию о принципе мирной трансформации Версальской системы – установлению взаимосвязи между безопасностью всех европейских государств и предоставлением Германии и ее бывшим военным союзникам полного равноправия¹². На рубеже 1933 г. англичане имели основания полагать, что с помощью новых совещаний четырех держав – участниц Локарно¹³ удастся проложить путь к принятию женевской конференцией взаимоприемлемых решений, адаптирующих режим межгосударственных отношений к реалиям нового десятилетия. Провести новую встречу Англии, Франции, Германии и Италии Лондон предложил уже в январе 1933 г., до возобновления работы конференции по разоружению.

¹⁰ Муссолини продемонстрировал свой гнев отстранением сторонника проанглийской ориентации Д. Гранди от обязанностей министра иностранных дел. Поощрение Римом ревизионистских притязаний Германии, Австрии и Венгрии усугубляло трудности в англо-итальянских отношениях/ См. /14–121/.

¹¹ О кризисе Международной организации в 1931-33 гг. см. /24 –229-230/. Об обстановке в Женеве осенью 1932 г. см. /24 –209/.

¹² Подписанный текст в основном соответствовал проекту Форин офис от 28 октября 1932 г. /18a – 547/. Роль Англии в принятии Декларации подчеркивалась ее двойной подписью – Саймона как участника и Макдональда как председателя совещания держав /18a – 378/.

¹³ Так называемая Декларация пяти держав от 11 декабря 1932 г. являлась по сути «декларацией четырех», так как солидаризировались лишь с §4 этого документа (о желании сотрудничать на конференции по разоружению). Последний параграф Декларации прямо предусматривал проведение нового совещания для конкретизации согласованных положений /18a – 378/.

Опасаясь изоляции от своих клиентов в Восточной Европе, французская дипломатия отклонила это предложение и сохраняла неуступчивость в феврале и первой половине марта /I – 117,145-146/. Правительство Франции пыталось настоять на принятии Женевской конференцией "конструктивного плана Эррио", однако 7 марта политическая комиссия отклонила проект пакта о взаимопомощи, что означало и крушение всего плана/25 – 174/. Не менее фрондерства Парижа английское руководство беспокоил совместный отказ Германии и Италии войти в комиссию по изучению возможности пакта взаимопомощи, создание которой 30 января было предложено им /18а – 505;186 – 107/. К середине марта Дж. Р. Макдональд убедился, что события трех месяцев "изменили характер и сильно уменьшили ценность и значение" Декларации II декабря /186 – 75/. Приданный декабрьским совещанием импульс оказался утерянным. 14 марта, после интенсивных и в целом бесплодных бесед в Париже и Женеве, Макдональд и Саймон пришли к выводу о необходимости выдвинуть британский проект конвенции о разоружении – впервые за тринадцать месяцев работы конференции /18а – 526/. Известный как "план Макдональда", он воплощал стремление Англии сыграть посредническую роль и отыскать вариант, удовлетворяющий как Францию, так и Германию (подробнее см. /26 – 351-353/).

Речь английского премьер-министра с изложением своего плана на заседании генеральной комиссии 16 марта была, однако, лишена воодушевления. В международных делах, объяснял двумя днями позже Макдональд, можно заметить разграничение событий переднего плана и заднего – подоплеку происходящего. Конвенция, "представленная британской делегацией в Женеве, являлась попыткой решить* технические проблемы, с которыми столкнулись делегаты конференции по разоружению", принадлежала к явлениям "переднего плана". Успех проекта, по мнению его творцов, зависел не столько от тщательности формулировок, сколько от наличия объединенной политической воли главных держав, "подоплеку", по терминологии Макдональда/18б- 72/. Выдвижение плана разоружения без предварительного соглашения четырех держав рассматривалось английским руководством как вынужденный шаг – единственное средство предотвратить постыдный крах конференции/18а – 526/. Понятен поэтому интерес, который вызвал у Саймона и Макдональда обмен мнениями с Алоизи: перед англичанами замерцала возможность восполнить недостаток политического согласия, с помощью Муссолини организовать встречу западных держав. С одной стороны, полагал Саймон, оживление англо-итальянского сотрудничества позволит оказать на Германию сдерживающее воздействие, тем более, что эксцессы СА ослабили эмоциональное единство двух диктатур /18а – 536/. Одновременно сближение Рима и Лондона могло дать толчок все еще не вышедшему за рамки предварительной стадии процессу франко-итальянского урегулирования¹⁴. Не располагая достаточной информацией о замыслах Муссолини и здраво оценивая трудности на пути к договоренности держав Запада, английские лидеры не предполагали обсуждать в Риме какие-либо грандиозные или даже новые проекты¹⁵. Итогом переговоров, по их мнению, могло бы стать согласование "энергичной декларации о стремлении Италии и Великобритании к миру"/18а -529/. Нет оснований полагать, что Макдональд и Саймон (или же их коллеги в Лондоне) накануне поездки в Рим рассчитывали, что она приведет к перелому в европейской политике или институционализации полуувядшей идеи консультаций четырех держав.

3. Мотивы поддержки Великобританией "пакта четырех"

¹⁴ Получив приглашение Алоизи, английские министры тотчас предложили ему провести трехстороннюю (с участием Даладьё) встречу, прежде чем они посетят Италию/18а – 528-529/.

¹⁵ Иным путем к аналогичному заключению пришел К. Ярауш /13 – 40/. Линия Форин офис, как она обрисована в меморандумах О. Сарджента и Р. Ванситгарта, весной и летом 1933 г. состояла в том, что эффективное сотрудничество четырех государств возможно лишь при наличии у Муссолини установки на конструктивное посредничество, что требует в качестве предварительного условия франко-итальянского сближения.

Вопреки созданному приездом Макдональда и Саймона в Италию впечатлению, Англия была не первой, а скорее последней стороной - участником пакта, которую ознакомили с его содержанием¹⁶. В отличие от Франции, она сразу и энергично поддержала предложение Муссолини и, в отличие от Германии, сохранила расположение к нему на всем протяжении переговоров. Таким образом, наряду с фашистским правительством, Великобритания оказалась наиболее заинтересованным участником переговоров о пакте "согласия и сотрудничества".

Главный источник симпатий Лондона к "пакту четырех" многие советские авторы усматривают в его стремлении "объединить буржуазную Европу на общей платформе борьбы против СССР"/6 - 36/¹⁷. В подтверждение своей мысли они ссылаются либо на органы печати (в том числе советской), либо на мнение западных историков, в первую очередь, А. Фэрриана /14 - 114; 27 - 60/. Несколько иначе аргументирует свою позицию В. Я. Сиполс. "О планах английского империализма, связанных с заключением "пакта четырех", - считает он, - лучше всего свидетельствовала очередная свистопляска, которая развернулась в Англии на антисоветской основе во время переговоров о пакте. Еще в октябре 1932 года английское правительство денонсировало торговый договор с СССР, а 19 апреля 1933 г. объявило эмбарго на ввоз в Англию всех важнейших экспортных товаров. Фактически это означало объявление Советскому Союзу торговой войны"/3 - 21/. Предложенное В. Я. Сиполсом обоснование побуждает затронуть неоднократно изучавшиеся эпизоды англо-советских отношений того времени.

Денонсация англо-советского договора, разумеется, не являлась дружественной акцией со стороны британского правительства, однако была предпринята вследствие общей переориентации торговой политики страны и перехода к режиму имперских преференций, а также из-за устойчивого отрицательного сальдо Англии в двусторонней торговле /28 - 22-24,39/. Введение эмбарго на советский экспорт в Англию явилось кульминацией политического конфликта в связи с арестом в Ленинграде шести инженеров фирмы "Метро-Виккерс" 12 марта 1933 г. и не может рассматриваться вне этого контекста. Этот эпизод, несомненно, заслуживает специального исследования. Следует, однако, указать на обстоятельства, не позволяющие сводить его к попытке осуществления Англией политики "большой дубинки".

Во-первых, жесткая реакция британского правительства поощрялась общественным мнением страны, с возмущением узнавшим о примененных к подданным Соединенного королевства методов ОГПУ (17-ти-часовые допросы без предъявления обвинения и т. д.)¹⁸. Во-вторых, эскалация конфликта была вызвана неуступчивостью обеих сторон, оказавшиеся неприемлемыми для партнеров компромиссные предложения выдвигались не только Москвой, но и Лондоном /17 - 229/. Тогдашние советские утверждения, повторявшиеся историками и позднее, о том, что британское правительство не имеет возможности судить о справедливости обвинений в связи арестованных с его же разведкой и вредительстве, не выглядят основательными. Независимо от того, были ли виновны английские инженеры в "экономическом шпионаже" ясно, что момент проведения арестов и судебного процесса (а, следовательно, и неизбежного дипломатического скандала) был избран Кремлем. Согласно единственной советской публикации по этому вопросу, авторы которой получили доступ к некоторым

¹⁶ Германия получила проект пакта 14 марта /27 - 58-59/, его основные положения были доведены до сведения французского посла А. де Жувенеля 4 марта в устной форме /13 - 34-35/. Утром 18 марта Италия официально направила проект пакта в Лондон, Берлин и Париж. В те же часы его получил направлявшийся автомобилем из Остии в Рим Дж. Р. Макдональд.

¹⁷ Некоторые историки (З. С. Белоусова, В. Я. Сиполс) менее категоричны, но согласны с тем, что антисоветские цели Англии играли важную роль в поддержке ею пакта. Стремление оценивать переговоры о "пакте четырех" как предательство демократиями Запада интересов Восточной Европы характерно, по наблюдению З. Мазура, также для польской, чехословацкой и румынской историографии /1 - 8/.

¹⁸ "Война есть война, и на удар в войне отвечают контрударом", - замечает по этому поводу В. Я. Сиполс /27 - 73/.

материалам ОГПУ, "операция по раскрытию вредительской деятельности в СССР английской фирмы "Метро-Виккерс", действовавшей по заданию "Интеллидженс сервис", "датируется 1931 годом /29 – 322,346/. Уместно предположить, что мартовские аресты были связаны с инцидентом, происшедшим в конце 1932 г. Суть его состояла в том, что советское посольство было вынуждено дезавуировать публикацию в "Известиях", которая обвиняла Форин офис в организации подрывной деятельности против СССР, и извиниться перед британским правительством/22 – 272 – 1594-1595; 22 – 273 – 196-198/. Несмотря на недовольство ряда парламентариев правительственного большинства, кабинет счел вопрос исчерпанным/22 – 273 – 523-524/. Думается, инициаторы публикации провокационной статьи были заинтересованы в громком реванше. Весьма критично оценивающий политику Лондона и во многом разделяющий подходы советской историографии Дж. Хаслам пришел к выводу, что англо-советский конфликт марта-июня 1933 г. показал "непрочность контроля Литвиновым советской дипломатии, тогда как руководители высшего эшелона были готовы необдуманно ставить под угрозу отношения с потенциальными союзниками в момент полной неопределенности в международных делах"/30 – 18-19/¹⁹.

Наконец, хотя британская сторона весной 1933 г. настаивала на невозможности переговоров о новом торговом договоре без урегулирования "дела о шпионаже", она всячески избегала перенесения конфликта на область политических взаимоотношений/17 – 173,229,237/.

Создается впечатление об отсутствии у советских историков документальных доказательств тезиса об антисоветской нацеленности политики Лондона в переговорах о "пакте четырех"²⁰.

Иное его обоснование предложено в книге З. С. Белоусовой. Стремление с помощью пакта заблокировать СССР она выводит из расчета английской дипломатии "лишить Францию поддержки мощного государства на востоке Европы", а тот в свою очередь – из заинтересованности Англии в противодействии французскому влиянию в Европе. Отправной пункт рассуждений историка о мотивах британской политики в отношении "пакта четырех" органичен для нее и вряд ли может быть оспорен: "Основной задачей британской внешней политики было сохранение равновесия на континенте" /14 – 112/. Трудно, однако, согласиться с мнением З. С. Белоусовой, что политика сохранения баланса сил в начале 1933 г. была заострена против Франции. "Окрепшая после Версаля Франция, ее система союзов с малыми странами Европы, ведущая роль французской дипломатии в Женеве, наличие самой мощной в Европе сухопутной армии - все это побуждало английских политиков искать пути и средства противодействия французскому влиянию в Европе," – утверждает исследовательница. Эта характеристика, будучи верна применительно к двадцатым годам, думается, неадекватна положению, сложившемуся на рубеже 1932-1933 гг.²¹

¹⁹ Целесообразным было бы рассмотрение дела "Метро-Виккерс" в советско-германских отношениях. Обе стороны пристально следили за проявлениями внешнеполитической ориентации, друг друга. Немецкая дипломатия давала понять, что сближение Москвы с "версальскими державами" подорвет надеж хороших отношений Германии и СССР /31 – 24-25; 17 – 118-119/, тогда как советское руководство не желало отказываться от достигнутого с помощью пактов о ненападении взаимопонимания с Францией и Польшей.

²⁰ Четверть века назад один из ведущих английских историков Д. К. Уатт отмечал отсутствие научных исследований в области англо-советских отношений, необходимых для того, чтобы принять или отвергнуть мнение об антисоветской направленности предвоенной политики Великобритании /32/. Насколько известно автору, применительно к середине тридцатых годов эта задача не решена поныне.

²¹ Отношения Франции с ее главным союзником на Востоке – Польшей были подточены. Мощь вооруженных сил для Франции начала тридцатых годов являлась фактором не только политической силы, но и слабости. Автор не упомянул о нарастании экономических трудностей в стране в первой половине десятилетия, о дестабилизации режима Третьей республики. Французская гегемония в Европе того времени была несомненно утрачена. Ошибочным представляется и мнение К. Ярауша о том, что "констелляция держав, давшая жизнь этому пакту, ранней весной 1933 г. принципиально не отличалась от расстановки сил в 1920-е гг." /13 – 220/.

Угроза разрушения международного равновесия в Европе исходила в то время с противоположной стороны - со стороны Германии. Происходил явственный перевод превосходящего потенциала Германии из демографического и хозяйственного в военно-политическое измерение, во внутренней политике нарастали правые тенденции. Попытки пресечь этот процесс извне были обречены. В ноябре 1932 г. правительство Эррио было вынуждено согласиться на признание за Германией равноправия в международной системе, этот принцип стал основой декларации пяти держав. В Париже и Лондоне понимали, что осуществление равноправия означает превращение Германии в господствующее государство, ибо ни одна страна Запада, даже опираясь на сателлитов, не могла соперничать с нею в материальных ресурсах и национальной сплоченности. В марте 1932 г. Комитет имперской обороны и кабинет отменили принцип военного планирования, в соответствии с которым войны не следует ожидать в ближайшие десять лет, заменив его доктриной "ограниченного присутствия" британских вооруженных сил на континенте – разумеется, не с целью противопоставить их Франции/44 – 342-343/. О прямой угрозе Германии безопасности страны предупреждал правительство в октябре 1932 г. при уходе в отставку с поста начальника имперского генштаба лорд Милнер /33 - 110/. Формирование правительства Гитлера-Папена и прокатившаяся по Германии волна агрессивного национализма и насилия подтверждали наихудшие опасения англичан. "Сообщения о германской политике в Женеве и о намерениях германского правительства, присланные секретной почтой из Берлина, так напоминают важные события и сдвиги лета 1914 г. "- размышлял наедине с собой Макдональд в начале марта 1933 г. /34 - 752/.

В большой речи на заседании Генеральной комиссии 16 марта 1933 г. Дж. Р. Макдональд дал четкое толкование декларации пяти держав. Ее смысл, говорил премьер-министр, раскрывая ориентацию британской политики, "состоит, во-первых, в обеспечении безопасности, отказа от использования силы, учитывая потенциальное превосходство, предоставляемое провозглашением равенства (Германии. – Авт.), и, во-вторых, в достижении равноправия" /18а – 560/²².

Согласно британскому проекту конвенции о разоружении, численность рейхсвера могла быть увеличена лишь до 200 тыс. чел., а запрет на обладание Германией военной авиацией, субмаринами, некоторыми видами танков и артиллерии подтвержден. Британский план содержал требование роспуска полувоенных формирований. Принятие его конференцией по разоружению привело бы к ограничению "совокупных военных возможностей рейха уже достигнутым уровнем"²³. По мнению английских руководителей, заключение "пакта четырех" при его увязке с "планом Макдональда" могло предотвратить разрушение европейского баланса, опрокидывание его Германией/13 - 78/. В британском проекте "пакта о согласии и сотрудничестве" предлагалось исключить из текста ст. 3 упоминание о возможности неудачи конференции по разоружению и прямо указать на необходимость принятия ею "плана Макдональда" как практического воплощения декларации II декабря 1932 г. /1 – 223/²⁴. В рамках политики баланса сил "пакт четырех" обладал для Лондона ценностью как средство ограничить влияние Германии²⁵, а также добиться отказа Италии от поддержки немецких требова-

²² См. также резолюцию (в изложении Д. Саймона) Правительственного комитета по разоружению от 12 мая 1933 г. /18а – 236/. Еще более резко – как "угрожающую и провокационную" – оценивал политику Германии подготовленный тогда же для Комитета имперской обороны меморандум Форин офис/35 – 76/.

²³ На заседании кабинета 15 марта часть министров высказалась против выдвижения "плана Макдональда", считая, что его сравнительно жесткие условия дадут Германии предлог вторично покинуть конференцию по разоружению/34 – 754/.

²⁴ Интерес Форин офис к "пакту четырех" как средству реализации "плана Макдональда" будет понятнее, если учесть, что в конце марта он был принят Генеральной комиссией лишь в качестве "основы для последующих дискуссий". Единственной страной его всецело поддержавшей оказалась Италия/36 – 544/.

²⁵ В Женеве «нам стало ясно, что существует определенный уровень сотрудничества между Германией и Италией при их прямом противостоянии Франции и ее друзьям», объяснял мотивы своего прави-

ний и сближения ее с Францией²⁶. Принцип равновесия сил, однако, в 1920-30-е гг. уже утратил свое значение безраздельно господствующего в британской внешней политике. После ужасов Великой войны²⁷ в сознании всех (в том числе буржуазных) слоев утвердилось восприятие силовой политики, как опасной и аморальной, мысль о необходимости поиска международных компромиссов на основе уважения интересов всех сторон. Нуждавшееся в сохранении национального консенсуса по вопросам внешней политики правительство Макдональда-Болдуина не могло пренебречь настроениями общественности, которые к тому же отчасти разделяло. "Миновали дни, когда усилия министра иностранных дел были направлены на поддержание одной из двух соперничающих группировок. Прошло время, когда он постоянно наблюдал за чашечками весов, что именовалось балансом сил," – заверял сограждан после назначения на пост министра Д. Саймон в ноябре 1931 Г. /37 - 29/.

Политика баланса сил не отвечала и государственным интересам Англии в сложившейся после Версаля системе международных отношений. Ее характерной и очевидной чертой являлась неустойчивость, быстрое изменение соотношения сил. В этих условиях логика поддержания равновесия сил диктовала Англии все большее "расширение континентальных обязательств, прямую вовлеченность в европейские споры. История тридцатых годов, констатировал политолог С. Ньюэн, показала, что "роль государства, удерживающего равновесие, изменилась: оно не могло более ограничиваться скрытой ролью наблюдателя и должно было занять место на одной из сторон этого равновесия"/38 - 39/. Сохранение политики баланса сил вступало поэтому в противоречие с другим фундаментальным, определенным имперской, хозяйственной, внутривластными структурами Великобритании, принципом. "Министры иностранных дел, неоднократно сменявшие друг друга, могли изменять форму своих высказываний, но до пересмотра английской политики в марте 1939 г. их существо оставалось неизменным. Ни один принцип английской политики не повторялся более часто, чем нежелание английского правительства брать на себя какие-либо новые обязательства в Европе помимо тех, которые содержатся в Уставе Лаги наций и в локальных соглашениях," – писал В. Джордан /39 – 251/. Таким образом, сохранение политики баланса сил в ее "чистом" виде было для Великобритании рассматриваемой эпохи уже невозможно, а прямое участие в таком равновесии – еще невозможно.

Более того, британское правительство считало опасным доминирование силовых категорий в политике континентальных государств, прежде всего Франции. Политика сдерживания противника с помощью военных союзов предполагала возможность новой европейской войны – Англия нуждалась в мире²⁸. Ее лидеры, как, впрочем, и советская дипломатия в Женеве /17 – 74,98/, отказывались вкладывать в понятие безопасности лишь негативное содержание, к чему тяготели французские политики. "Без обеспечения мира безопасность невозможна", – напоминал в марте 1933 г. Макдональд Поль-Бонкуру /18а – 553/. Обеспечение мира понималось британскими руководителями как совокупность конструктивных усилий по разрешению военно-политических, территориальных и экономических проблем/18а – 543, 530; 13 – 28/.

В неофициальном и личном послании Муссолини 31 марта английский премьер писал, что считает главной целью пакта четырех держав «устранение путем сотрудничества причин существующего страха, которые угрожают расколоть европейские держав, на проти-

тельства Э. Бенешу Д. Саймон в конце марта /186 – 107/. О желательности сближения Парижа и Рима говорилось и в меморандуме помощника Ванситтарта О. Сарджента от 23 марта; основные положения (выводы) этого документа были приняты кабинетом /186 – 100/.

²⁶ Именно так восприняла британские поправки к проекту Муссолини германская дипломатия/13 – 117-118; 1 – 224, 236/.

²⁷ Интересный анализ неадекватного восприятия англичанами начала тридцатых годов собственных потерь в мировой войне см. /44– 424-434/.

²⁸ "Мы получили все, чего желали – быть может, и больше. Наша единственная цель состоит в том, чтобы удержать то, чем мы обладаем, и жить в мире", – констатировал известный меморандум Форин офис 1926 г. /40 – 27/.

востоящие блоки, что в конечном счете неминуемо приведет к войне" /186 - 124/. Оказав поддержку Лиге наций в практическом применении ст. 19 ее Устава (предусматривавшей пересмотр международных соглашений) страны - участники "пакта четырех", убеждал палату общин Макдональд, смогли бы "устранить причины войны в Европе"/ 22 - 276 - 518/. Английская дипломатия была готова в близком будущем принять участие в обсуждении ревизии не только военных постановлений мирных договоров, но и границ в пользу Германии и Венгрии /1 - 282/. Британское правительство, однако, публично обещало, что заключение пакта и обсуждение его участниками территориальных проблем не станет средством диктата в отношении малых стран /22 - 276 - 519/. Вероятно, что эти заверения были искренними²⁹.

Наиболее назревшим вопросом британская дипломатия считала пересмотр военных статей Версаля, Трианона, Сен-Жермена. "Если мы не сделаем чего-нибудь, что могло бы рассматриваться как разумный план по удовлетворению германского требования о равенстве, то... Германия осуществит его явочным порядком", - разъяснял выгоды пакта четырех держав Д. Саймон /18а - 513-514/. На роль такого плана претендовал британский проект конвенции по разоружению "синтезировавший предложенные другими государствами варианты. Английское правительство надеялось, что "пакт четырех" облегчит не только принятие "плана Макдональда", но и договоренность по валютно-финансовым проблемам на экономической конференции в Лондоне /1 - 275/.

Гораздо более скромную, но все же заметную роль в стремлении британских верхов заключить "пакт четырех" сыграли идейно-психологические факторы. "Характерной особенностью 1930-х было полное отсутствие в Англии героического начала", - считает историк Л. Симан /41 - 238/ и он не одинок. Немало горьких слов об усталости и изношенности британского духа в начале тридцатых было сказано Ванситтартом и Беатрисой Вебб, Болдуином и Оденем. Происходила, пишет Д. К. Уатт, "утрата веры в демократические процедуры, складывалось убеждение, что диктатура и коллективизм более эффективные средства", нежели парламентская демократия/32 - 210/. Мучительно переживал социальный излом и отторгнутый собственной партией, оказавшийся в объятиях консерваторов Дж. Р. Макдональд /42 - 287-288/.

На этом фоне динамичная, сплоченная, переживавшая, казалось, новый ренессанс Италия вызывала уважение и даже зависть не только у О. Мосли и многих консерваторов, но и в среде лейбористов /20 - 48-49/. Глубокие чувства вызвало посещение родины фашизма у Макдональда. "Он хотел бы откровенно сказать, что Франция и Великобритания живут устаревшими представлениями, - свидетельствует запись беседы Макдональда с Даладье 21 марта. - Если они /руководители Франции и Англии. - Авт./ не сумеют вдохнуть новую энергию в свои страны, как он увидел в Риме, они будут отброшены" /186 - 96/. Докладывая членам кабинета итоги своей поездки, премьер-министр привел "множество примеров необычайного восстановления Италии при фашистском режиме" /20 - 50/. Со схожими, хотя и более противоречивыми чувствами следили английские руководители (преимущественно тори) и за "нацистской революцией". По всей видимости, с помощью "пакта четырех" правящие круги Англии надеялись обеспечить сосуществование демократических стран и диктатур Запада, сблизиться, не теряя собственного лица, с мощным историческим потоком, захлестнувшим Италию и Германию³⁰.

²⁹ В беседах с Муссолини английские лидеры предлагали привлечь к сотрудничеству великих держав и Польшу /186 - 75, 77/. Саймона беспокоила накаленность германо-польских отношений в марте 1933 г., однако его заявления отражали общий подход Лондона. Так, в июле 1932 г. английский министр иностранных дел предлагал правительству Польши присоединиться (наряду с Германией, Италией и Бельгией) к англо-французскому пакту доверия /1 - 94/. См. также /186 - 244-245/. Уместно предположить, что внесенные Форин офис в римский проект изменения (устранявшие положения, которые вызвали особую тревогу у Польши и Малой Антанты /1 - 221-223/), появились не только под влиянием протестов Франции и ее союзников, но и выражали кредо британской политики.

³⁰ Мысль эта вряд ли четко формулировалась кем-либо из английских руководителей и дипломатов, проверить выдвинутое предположение поэтому затруднительно.

Рассмотрение мотивов поддержки Великобританией идеи "пакта четырех" весной 1933 г.³¹ побуждает с осторожностью отнестись к привычной для западной, так и для советской историографии параллели между ним и Мюнхенским соглашением. Приверженность Лондона соглашениям четырех держав в 1933 и 1938 гг. 'не может изменить того обстоятельства, что характер английской политики и ее роль принципиально различались в том и другом случае. Умиротворение (в строгом смысле этого термина – как политика уступок Германии без получения твердых гарантий с ее стороны /43 – 8/) было далеко от намерений британского правительства в переговорах о "пакте четырех".

Суть позиции Англии в переговорах о пакте состояла в стремлении приблизиться методом предварительного согласования политики великих держав к решениям, могущим обеспечить, во-первых, удержание европейского равновесия и сдерживание Германии и, во-вторых, мирное решение сложившихся под влиянием Версальского диктата противоречий на основе баланса интересов всех сторон. В международных условиях начала 1933 г. такая политика, думается, отвечала не только государственным, но и национальным интересам Великобритании. Однако в перспективе она была чревата тяжелейшими последствиями. После того, как Германия вступила на путь игнорирования мирового сообщества и произошла окончательная стабилизация гитлеровского режима, а Советский Союз перешел к политике коллективной безопасности, Англия не отказалась от проведения курса, базирующегося как на принципе баланса сил, так и на поиске учитывающего интересы всех сторон урегулирования в Европе. Соединение двух начал в новых условиях обернулось их противоречием, которое "взорвало" внешнюю политику Великобритании, привело ее к глубокому кризису, а мир – к катастрофе.

³¹ З. С. Белоусова указала два других мотива британской дипломатии: стремление с помощью пакта урегулировать "англо-итальянские споры в колониальных вопросах" и "поставить известные преграды европейской политике своего заокеанского конкурента". Историк не упомянула источники, на основании которых) были сделаны эти выводы/14 – 112, 114-115/. Влияние общественного мнения и парламентских дебатов на подход правительства в переговорах о "пакте четырех" проанализировано К. Яраушем /13 – 81-83/.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Mazur Z. Pakt czterech. Poznań, 1978.
2. Европа в международных отношениях. 1917-1939. М., 1979.
3. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979. '
4. Волков Ф. Д. Англия – СССР. 1929-1939 гг. М., 1964.
5. Попов В. И. Дипломатические отношения Англии и СССР(1929-1939). М., 1965.
6. Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1975.
7. Реутов Г. Н. Правда и вымысел о второй мировой войне. М., 1970.
8. Вилунас Ю. Англия и "пакт четырех"// Вестник Ленингр. университета. 1966. № 2.
9. Европа XX века: проблемы мира и безопасности. М., 1985.
10. Малафеев К. А. Международные отношения и дипломатическая борьба в Европе в 1924-1936 гг. Рязань, 1988.
11. Furnia A. The diplomacy of appeasement. Wash., 1960.
12. Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960.
13. Jarausch K. H. The Four Power Pact. Madison, 1965.
14. Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. М., 1975.
15. Documents on German foreign policy (1933-1945). Ser. C. Vol. 1. L., 1956.
16. Трухановский В. Г. Антони Идеи. М., 1976.
17. Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970.
18. Documents on British foreign policy, 1919-1939. 2nd ser. : a – vol. IV. L., 1952; б – Vol. V. L., 1958.
19. Чекин А. (Яроцкий В.) Джеймс Рамсей Макдональд. М., 1929.
20. Noel-Baker Ph. The first disarmament conference, 1932-1933. L., 1978.
21. Vansittart R. The mist procession. L., 1958.
22. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 272-276. L., 1932-1933.
23. Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980.
24. Илюхина Р. М. Лига наций. 1919-1934. М., 1982
25. Brzeziński A. V. Dyplomacja francuska a 'plan MacDonalda' // Acta Univ. Lodz. 1981. N 8.
26. Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения (между двумя мировыми войнами). М., 1959.
27. Сиполс В. Я. Внешняя политика СССР. 1933-1935 гг. М., 1980.
28. Майский И. М. Воспоминания советского посла в Англии. М., 1960.
29. Гладков В. К, Смирнов М. А. Менжинский. М., 1969.
30. Haslam J. The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe 1933-1939. N. Y., 1984.
31. Максимычев И. Ф. Дипломатия мира против 'дипломатии войны. М., 1981.
32. Watt D. C. Appeasement: Rise of revisionist school? // Polit. Quarterly. 1965. No. 2.
33. Peden G. The British rearmament and the Treasury, 1932-1939. Edinburgh, 1979.
34. Marquand R. Ramsay MacDonald. L., 1977.
35. Gibbs N. Grand Strategy. Vol. I. Rearmament policy. L., 1976.
36. Walters L. History of the League of Nations. L., 1952.
37. Thompson N. The anti-appeasers. L., 1971.
38. Newman S. The balance of power in interwar years, 1918-1939. N. Y., 1968.
39. Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918-1939 гг. М., 1945.
40. Kennedy P. Diplomacy and strategy: Eight studies. L., 1983.
41. Seaman L. Post-Victorian Britain. L., 1977.
42. Iremonger I. The fiery chariot. L., 1970.
43. Middlemas K. Diplomacy of illusion. L., 1971.
44. Barnett C. The collapse of British power. L., 1972.